

Александр ДОРОШЕНКО

ЗОРКО ОДНО ЛИШЬ СЕРДЦЕ

"Все, что живо, священно".
Уильям Блейк

"Узнать можно только те вещи,
которые приручишь, — сказал Лис. —
У людей уже не хватает времени
что-либо узнавать."

Они покупают вещи готовыми в магазинах.
Но ведь нет таких магазинов,
где торговали бы друзьями,
и поэтому люди больше не имеют друзей.
Если хочешь, чтобы у тебя был друг,
приручи меня!..

— Прощай, сказал Лис. — Вот мой секрет,
он очень прост: зорко одно лишь сердце.

Самого главного глазами не увидишь.
— Самого главного глазами не увидишь, —
повторил Маленький принц,
чтобы лучше запомнить.

— Твоя роза так дорога тебе потому,
что ты отдавал ей все свои дни.

— Потому, что я отдавал ей все свои дни...
— повторил Маленький принц,
чтобы лучше запомнить.

— Люди забыли эту истину, — сказал Лис,
— но ты не забывай:
ты навсегда в ответе за всех, кого приручил.

Ты в ответе за твою розу.

— Я в ответе за мою розу —
повторил Маленький принц,
чтобы лучше запомнить.

Антуан де Сент-Экзюпери.
Маленький принц

СТАРШИЙ МАЛЕНЬКИЙ БРАТ

"...на свете потому так много зверей, что
они умеют по-разному видеть бога".

Велимир Хлебников. Творения

"Человечество — без облагораживания
его животными и растениями — погибнет,
оскудеет, впадёт в злобу отчаяния,
как одинокий в одиночестве".

Андрей Платонов.
Записные книжки

В громадных наших дворах собак было много, и были они домашние и дворные. Впрочем, они тогда все были беспородные, просто одной псине повезло, а другим нет. Которым нет, жили во дворе, их кормил весь двор, и в самые сильные морозы кто-нибудь давал приют в теплом сарае. Мы же, мальчишки, равно любили всех своих псов и различия между ними не проводили. У собак наших была своя система отношений, кто с кем дружит или не очень, но приход чужой собаки в наш двор всех спланивал в единодушном и свирепом отпоре. Правда, собаки чужих дворов эти правила знали хорошо и судьбу не искушали. С котами дворовыми (они все, хитрые бестии, устраивались в домах и имели хозяек) наши собаки жили мирно. Так, слегка шугануть, загнав на дерево наглую тварь, но это для порядка, поскольку за каждым котом стояла хозяйка, а с нею хорошие отношения означали иногда косточку. Дворовые псы ночами ис-

правно несли службу. Дворники исчезли вместе со старым режимом, когда на ночь обязательно закрывались ворота дома, и каждый, пришедший позже положенного времени, стучался и давал дворнику какую-нибудь мзду. Дворник играл роль консьержа. С революцией это ушло в прошлое, правда, по необъяснимой причине ушло вместе с воротами, и в большинстве дворов ворот не было вовсе, либо были это некомплектные или вкопанные разбитые и никак не закрывающиеся ворота. Так что наши псы ночами охраняли дом.

Естественными их врагами были гитцели. Я не знаю происхождения этого слова. Ездили по утрам, как правило, очень рано, по улицам автомобили с ящиком-клеткой позади. Наверху ящика была крышка, а позади сетчатое окно, так что видны были пойманные бедолаги. Сразу за кабиной с двух ее сторон сидели два собаковода — гитцеля. У них были кольцевые сетки на длинных палках и на палках же петли. Ловили они любую собаку, покинувшую двор. И вбрасывали в свой ящик. Часто бывало, что хозяин, оповещенный об этой трагедии нами, успевал выбежать со двора и, догнав будку, выкупал свою собаку. Не успевшие отпраздничать выкупать на станцию. Мы всегда бдитительно следили за гитцелями и загоняли своих псов во двор. Ненависть наша к гитцелям (и их к нам, мальчишкам) была непримиримой. Сколько камней летело в их машину! А мы стремглав убежали в свой спасительный двор. Любый гитцель знал, что во двор ему лучше не заходить.

Долго живя с людьми, собаки становятся на них похожими, перенимая худшее, комплексы и страхи. Растерявшаяся собака становилась легкой добычей гитцеля, она теряла от страха способность думать и ориентироваться и часто сама шла в сеть. Но вот моя Сильва, уже старая во времена моего осознанного детства, дважды на моих глазах легко уходила от собаководов. Они шли на нее вдвоем, с двух сторон, по отработанной методике, чтобы заставить собаку броситься в отчаянии в любую сторону и угодить в сеть. Сильва ждала, спокойно стоя на месте. И в последний момент, когда гитцель вздергивал свою сеть или петлю, она перепрыгивала через его инструменты и уходила. (Никогда не забуду, как колотилось мое сердце: на моих глазах гитцели пытались поймать Сильву, не реагируя вовсе на мои крики, как оно выпрыгивало из груди, и радостные слезы, когда я обнимал спасшуюся Сильву и целовал ее морду.)

РЕКС

Так звали моего пса, пожалуй, первого моего в жизни, поскольку Сильва была уже в доме, когда я в нем появился, и была мне как часть семьи, существовавшей до меня, была одним из старших. Овчаркой Рекс не был, хотя это имя может быть только у овчарки, он был, как у нас говорили, "переводня". Но сильная часть крови, определяющая, ему досталась от овчарки. Так что, имя ему шло. Был он крупный, вся овчарочья стать, даже зад был чуть прижат к земле, как у настоящей породы овчарок, вот только одно ухо у него не стояло, и что-то было в масти иное. Глаза у него были желтые,

волчьи, внимательные. В момент напряжения вся повадка его изменялась, он становился медлительно нетороплив и опасно спокоен. Мы любили друг друга, он рос рядом со мной, мы одновременно были детьми, правда, он стал взрослеть быстрее, много опережая меня, но старым я его не увидел.

Он всегда и везде был рядом со мной. Играл, бегал в саду, ел и спал. Спал рядом буквально, часто, когда удавалось, спал в моей постели, под одним одеялом. Бабушка этого не позволяла, она спала в одной со мной комнате, но ночью, когда все уже спали и все утихло, когда я уже дремал, он пробирался под мое одеяло, ложился к ногам и блаженно вздыхал. Зимой он согревал меня, но летом было жарко нам обоим, он терпел, радость была много выше неудобств. Все, что ел, он ел. Я делился с ним самым вкусным, но он ел и то, что ему не нравилось, поскольку это ел я: капусту, огурцы и помидоры. Яблоки. Разбив колено, я звал Рекса, и он заливался мне рану. Так было принято у нас, мальчишек, и раны моего детства заживали мгновенно.

Потом что-то случилось. Он стал бросаться на соседей, правда, и соседи этого часто заслуживали. Все собаки не любят пьяных, а трезвыми я редко видел соседей. Он бросался не к ногам, подло и исподтишка, он летел в благородном прыжке на горло и несколько раз почти доставал. Помню, даже милицию вызывали соседи, хотя это в моем детстве и наших дворах была крайняя редкость. У него, видимо, была и в характере склонность — я заглядывал ему в рот, черным был этот рот, а это, мы тогда знали, признак злобы у пса. Его наказывали родители, несколько раз побил дед, и помню, как я плакал, и мы, оба страдальца, встретились под столом, где он прятался, и горевали вместе, и он все лизал благодарно мне руку, и слизывал слезы с лица. Его продали, тайно от меня, отвели на Староконный рынок и продали, кому-то за город, в охрану. И помню еще, как-то мы узнали, что он ушел от нового хозяина, перегрыз канат и ушел. То ли сам этот хозяин, встретив деда, жаловался ему, не помню. Я много дней подряд обходил самые отдаленные кварталы, но, видимо, его продали в очень дальнее место.

Это и есть одна из нескольких трагедий моей жизни. Такая боль бессрочна. Невыносимо больно сердцу — оно болит за себя и болит болью другого, собачьего сердца, когда я вспоминаю, как ему было плохо, как рвался он с цепей, на которые был посажен, и видел меня, своего брата, когда я вижу его глаза, полные слез, — когда я это чувствую, — я умираю... уже множество лет!

"И собаки умеют плакать,
Плакать, как плачем мы.
Ну, попробуйте, скажем, лапу,
Ударить, ущемить?"

Иосиф Уткин.
Повесть о рыжем Мотэле

(Когда-нибудь, я знаю, найдешь и устав, я останюсь отдохнуть где-нибудь на углу, там, например, где соединяются проливы Берингов с Босфором, напротив Кубы, на самом углу Грибоедова канала и Мойки, оста-

новлюсь, достану сигарету и, наклонив голову, прикуривая, исподлобья увижу вдруг, как из-за угла, ускоряясь стремительно в беге, прижимаясь от скорости к земле, выскочит и бросится ко мне мой верный когда-то потерянный пес, мой серый мастью и рыжий глазами, мой родной и любимый, и я с разбега уткнувшись головой ему в густую шерсть, обниму его сильную шею и стану гладить лицо, и слезы нашей радости смешаются, и он высушит мои слезы своим теплым и шершавым, как время, языком. Уже скоро, вот-вот, еще чуть подождать — и мы найдемся. Любимые не теряются, и пролитые слезы не бывают напрасны.)

Любовь изменчива. Все проходит, и те, кого мы любили, изменяются: вырастают и отдаляются дети, стареют женщины. Сохранить и удержать любовь навсегда можно, только ее разрушив в самом расцвете. Насильственно прервав. Тогда она будет в тебе жить долго, будет болеть, как утраченная рука, но вот, просыпаясь, чувствуешь, побаливает кисть — залежал во сне, и опомнишься, ведь уже много лет, как нет руки. Люди разочаровываются. Но если Господь даровал вам в детстве любовь к собакам, это даровано навсегда. В этом невозможно разочароваться. И с годами эта любовь станет только сильнее.

Я прочел, что собаки из-за близости к нам, людям, чаще всех остальных животных болеют раком.

*Ночной лай собаки в далекой бездонной
тишине Космоса, — голос Земли в Вечность*

Браки заключаются на небесах. Там впервые назначается и встреча собаки и ее хозяина. Эти термины, особенно "хозяин", случайны, и связаны с нашим незнанием вопроса. Речь идет о любви. И пары эти, реализуемые в земной юдоли, очень странные пары, вы так не находите? Здесь все, как и в обычной семейной жизни, только больше честности и много меньше вранья. А так есть все: ревность и взаимные обиды, глухое непонимание и прозрения. Лучшей стороной здесь всегда является собака. Она любит бескорыстно и беспредельно, она мирится с непониманием и душевной глухотой любимого... На самом деле мы даже не представляем себе, что нам даровано, и часто делаем из этого забаву... и они, наши любимые, мирятся с этим и все нам прощают.

В ожесточенных богословских диспутах Средневековья вопрос о наличии души у животных, собак и кошек, имел сторонников и противников, но по вопросу наличия души у женщины богословы были единодушны. Имеется ли там, наверху, собачий ангел? И как он должен выглядеть, и если все же с хвостом (есть ведь хвостики у чертенят, и это сомнений ни у кого не вызывает), то ведь различной длины и пушистости бывают хвосты у собак, а у некоторых они купированы.

(Наши собаки были с нами всегда, еще когда мы были шумерами, первым древним на земле народом, и все делали впервые. Значит, и собака тогда впервые пошла рядом с человеком, став у его ноги и чуть впереди, чтобы первой принять врага, а было это пять тысяч лет назад! Шумерам она помогала в охране стад против волков. Значит, в Месопотамии были и волки. Наверное, и наш предок Авраам, уходя на север из Ура и увозя свой скот, шел с собаками. Шумеры любили животных и держали в домах собак, кошек и мангустов, оставив целую литературу в виде басен за несколько тысячелетий до Эзопа. В уста собаки они вложили одно из прекраснейших выражений материнского чувства: "Сука говорила с гордостью: "Мне неважно, какие щенки у меня, рыжие или пятнистые, — я все равно их люблю!". Это было сказано по-шумерски и записано клинописью на глиняной табличке.)

КОТ, У КОТОРОГО НИ СТЫДА, НИ РОДИНЫ

"Серый,
Усатый,
Весь полосатый..."¹

"Но еще дальше от света были кошки.
Их совершенство пугало.
Замкнутые в точности и аккуратности
своих тел, они не ведали ни ошибок,
ни отклонений.
На миг они сходили в глубину,
на дно своей сущности, и тогда замирали
внутри мягкой шкуры, становились грозно
и торжественно серьезными,

¹ Это котенок, так говорит Самуил Маршак, а шел 1929 год, и я удивляюсь, как никто не догадался, кто это был такой на самом деле: серый-усатый-весь-полосатый?!

Фото Олега Владимировского

а их глаза округлялись, как луны, втягивая взгляд в свои огненные воронки.
 В их жизни, исполненной замкнутой в себе грациозности (в этом узилище совершенства), не было места ни для какой альтернативы".

**Бруно Шульц.
 Гениальная эпоха**

Потом у нас были коты. Именно коты, крупные и сильные хищники. Первым был огненно рыжий, с благородными шрамами поперек морды, именем Рыжик. Он пропал, видимо, в дворовых кошачьих междоусобицах, и в доме появился черный котенок. Бабушка по привычке звала его тоже Рыжиком, так это и закрепилось. Еще маленьким он был уже отчаянно смелым и в одиночку ходил к нашей выгребной яме охотиться на здоровенных и злющих крыс, и однажды только моя помощь спасла его от гибели: он ухватил за хвост вовсе и никак этой наглости не ожидавшую здоровенную крысу, и упираясь всеми своими лапками, попытался ее вытащить из дыры, куда она, не разглядев опасности, сунулась было спастись. Когда она его, эту опасность, разглядела, к счастью, подошел я.

Он жил с нами долго, вырос в крупного сильного зверя. И сила эта была природная, страшная. Вот он лежит в блаженной дремоте, похожий на пуфик, мягкий, бесформенный, бескостный. И вдруг одним немислимым прыжком, мгновением, он взлетает на высокий подоконник. И это не то чтобы без разбега, но как-то даже и не приподнявшись с пола, с положения лежа. Ему почудилась спросонья птичка. Отвагу его описать возможно только в сагах: чужая собака не ходила по нашему двору. Он, увидя такую, не торопясь, со сдержанной до времени силой, выходил из палисадника, где заслуженно отдыхал, греясь на солнышке, и шел ей навстречу. Что-то в мягкой упругой его походке, в этой ленивой неторопливости, в некоторой даже мечтательности, написанной на морде, было такое, что заставляло любую собаку отворачивать в сторону, поджимая хвост.

Кореш у него был удивительный — тоже черный — крупный пёс, приходивший к нему по утрам поиграть. Родом он был с гвоздильно-иглочного завода имени Иванова (дать такое имя заводу в нашей стране было все равно, что оставить его безымянным), на нашей улице, напротив двора. Они подолгу бегали по двору, резвились, изумляя всех, и особенно наших дворовых псов. Те разумно в странные предпочтения Рыжика не вмешивались. Потомством Рыжика были все поколения котов нашего и сопряженных дворов. Приходя домой, поев, он вспрыгивал на диван, дальше — мне на живот, где некоторое время искал удобную позу укладки и сразу же начинал довольно мурлыкать. Я, оторвавшись от книги, подолгу рассматривал его красивую тяжелую голову, всю в бойцовских шрамах, чуть прикрытые в блаженной истоме глаза, роскошные усы. Попытки согнать его с живота имели только временный успех. Он возвращался и укладывался вновь, и в глазах его читалась справедливая укоризна.

(Истинное назначение луны, лунного света, состоит в том, чтобы кошка могла спокойно гулять по крышам. Не помню, но, видимо, египтяне, боготворившие кошку, знали, что она рождена из лунного света.)

Кошка — воплощение совершенства, и об этом знает. Вот такие, дворовые и домашние, среди щербатых стен и выбитых дворовых плит, среди автомобилей, которых в наших дворах великое множество, среди дурно пахнущих жителей, среди непролазной осенней грязи — всегда, даже торопясь на разбой и разврат, — они элегантно и грациозны... Прячущиеся от собак под автомобильным брюхом и роскошно лежащие на автомобильных крышах поутру, на солнышке (как мадам Рекамье на кушетке, но кот никогда не позирует, он такой от природы).

Замкнутые в высоком своем совершенстве, безотносительно века, режима и нас, вечные и удерживающие неведомую нам связь со вселенной... Презирающие всех и вся, мир считающие только кошачьим, а всех остальных — прибывшими домашними животными... Высокие звезды — отражение кошачьих глаз, они даже мигают, следуя оригиналам...

Из всех животных, прирученных человеком, кот, живя с ним рядом тысячелетия, приручен человеком не был. Он сам выбрал удобство жизни при человеке и сам добровольно к нему пришел жить. Пришли же они к человеку в последовательности: коза, собака — и потом, когда человек стал относительно устроен и благополучен, пришел кот. Пожалуй, это он приручил человека. То, что он, кот, имеет утилитарно полезные склонности к ловле грызунов, — он это делает не в угоду и пользу человеку, он хищник и любит охотиться. Он любит охоту, не потому что она дает ему пищу, он любит подстергать, преследовать и убивать. Домашний кот, поймав и замучив мышшь (именно замучив, продлевая радость охоты и наслаждая смертной мукой жертвы), есть ее не станет. Он не голоден, да и привык к совсем иной пище. И так до сего

дня кот живет сам по себе. Мигрируя к северу, знаменитые египетские коты существенно изменились внешне, из маленькой и грациозной голова их стала крупной, а у российской популяции, ошеломляюще большой и лобастой, изменилась пушистость и расцветка. Неизменна суть.

Собака легко становится рабом человека, и если повезет с хозяином, становится ему равноценным другом. Везет редко. Кот вас только использует. Он никогда ради вас не станет менять свои планы и склонности, но рано или поздно вы обнаружите, что приносившие к его правилам жизни. Он к вам будет снисходителен. Не обольщайтесь, когда он, ваш любимец, сидя у вас на руках, блаженно мурлычет и трется мордой об отворот вашего пиджака, это потому что ему тепло и уютно, потому что теплы и мягки ваши руки, и ему нравится английская шерсть вашего выходного костюма, вы лично здесь ни при чем. Есть поговорка: "Собака привыкает к человеку, а кот к дому". Собака не привыкает, собака любит человека. Верна только вторая часть поговорки. Кот у хороших новых хозяев забудет вас; собака, если она вас любила, — умрет от горя.

(Полезно было бы провести сравнительное изучение кошачьих национальных черт. Всякое декадентство и изыски принимать в расчет не стоит — персидские и иные рафинированные породы, — только коты из народа, выросших на родной почве и сроднившихся со своим народом в бедах и радостях. Крупный российский кот — анархист по характеру, нечто среднее между Садко, заморским гостем и Емельяном Пугачевым, бандитом оренбургского периода. Не знаю, как белорусский, но украинский кот мало отличается от своего российского собрата, разве что пронзливостью и лучшим пониманием человека.

Немецкий кот менее доступен исследованию: в отличие от наших, свободных и художественных натур, вездесущих в среде обитания — во дворах, на крышах и прилавках продовольственных магазинов, — немцы живут замкнуто, в пределах дома, а дом у них, как хорошо защищенная крепость, и в открытые пространства не попадают. Я внимательно присматривался к их немецкой жизни, и не пойму, как они устраивают личную ее часть, не поднимаясь на крыши? Они даже ночами мартовскими (март у наших котов в среднем длится от января до ноября, почему они не орут в декабре и чем заполняют время этого месяца, не могу себе представить) вовсе не кричат.

Будучи в Париже, котов там не видел, думаю, что они особо развратны (уж на что наши предаются изнеженности нравов, но парижане должны быть особенные). И лживы — достаточно вспомнить Кота в сапогах.

Шотландский гладкошерстный спокоен, уравновешен и воспитан. Он джентльмен. Размножается слабо и без любви к делу. Вот интересно, как выглядят коты в Израиле? Туда вывезены были наши красавцы русаки, но ведь в этом регионе должны были сохраниться и природные местные особи, родом из Египта, древняя кошачья первооснова, с маленькой головой, грациозные... Американские коты, в основном, кастраты, это от любви и заботы о них владельцев, и когда-нибудь американцам это зачтется!)

Кот застенчив. В нем это от гордости: он не любит выглядеть смешным. Видели ли вы охотящегося кота? Это происходит всегда где-нибудь на задворках, без свидетелей. Я наблюдал однажды кота, ловящего голубя. Был это крупный, по-домашнему ухоженный кот, самой распространенной у нас помойной расцветки. Дурак голубь что-то искал у дерева, и как только он отворачивался, кот делал очередную рывок. Низко, на согнутых лапах, стремительно. И застывал, как только голубь поворачивался в его сторону. Только кончик хвоста у кота недовольно и нетерпеливо подергивался (собака, виляя хвостом, выражает радость, кот — крайнее недовольство). И вновь рывок. Я болел за кота. И в какой-то момент кот почувствовал свидетеля, меня. Он повернул морду, увидел меня и выпрямился. Я был далеко, я стоял, наблюдая, и мешать ему не собирался. Но кот прекратил охоту. Более того, на его лживой морде явственно читалась мысль, мол, какие глупости, да не охотился я вовсе, с чего вы это взяли, просто хожу себе утром, нюхаю вот цветочек. Собака всегда пустит вас в свою игру и с радостью примет участие в вашей. Кот — соглядатай. Мы для него всегда объект наблюдения, чужеродный и развратный кот. Но не всегда умный. Это собака преклоняется перед нами. Кот снисходит.

*"Кот повис на диване, как Ромео на веревочной лестнице"*²

(Вот догадка: может быть, коты — это такая порода инопланетян, и посланы они наблюдать нас и докладывать кому-то там, наверху, о нашем устройстве? Но тогда что же делают бездомные коты — или они притворяются?)

² Илья Ильф. *Записные книжки. Это изумительно верный взгляд на Шекспирова трагедию, и только так надо себе представлять всю эту сцену для правильного видения Шекспира (Прим. автора).*

Фото Евгения Волокина

И почему они так истошно орут, собравшись группой и предаваясь изнеженности нравов? (Это выражение не мое, а Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина.) Возможно, это есть обычай их далекой родины, и там, бесконечно далеко, на Сириусе или с иным кошачьим названием, их родной планете, они все так делают. Вот ведь ужас какая там любит музыка!

Я догадался не первый — Лао Шэ в своих "Записках о кошачьем городе" описал подлинную жизнь котов, и с тех пор они, разоблаченные однажды, не строят больше стран и городов, а живут рядом с нами, притворяясь пушистыми прелестями. А сам Лао Шэ исчез бесследно, и никто этого объяснить не сумел, но вот я знаю: это месья разоблаченных им хвостатых негодяев. И Михаил Булгаков в "Мастере" вывел этих двоих, верного даже Пилату пса и кота-проходимца с примусом. Правда, получается так, что кот этот сопутствует дьяволу, чего до Булгакова, вроде бы, никто не отмечал.

Верным спутником дьяволу может стать только пёс, но не всякий, а только благородный и древний на земле пудель. Он, пудель, происхождением из еврейско-арабской Испании, из халифата, именно оттуда есть первые о нем упоминания. Воспитанный в образованной среде, наслушавшийся каббалистов, он среди прочих собак мира существует особняком, как еврей среди других народов земли.)

ПЕС — ЭТО ЗНАМЯ ПРАВДЫ, КОТ — ЭТО ТАЙНЫЕ СТАТЬИ ДОГОВОРА

Пес мне понятнее и ближе китайца. Я не знаю языка обоих, но с псом я могу помолчать. Мой пес не одобряет котов, их манеру таяться в темных углах и растворяться без остатка в темноте ночи, лживость и двусмысленность их походки и наглость взгляда... Пес может разорвать жертву, но мучить ее, наслаждаясь, никогда не будет.

"Н-да-а! — сказал я еще раз дрожащим голосом.

Крыса наклонила голову в другую сторону и все так же продолжала смотреть на меня.

— Ну что тебе нужно? — сказал я в отчаянии.

— Ничего! — сказала вдруг крыса громко и отчетливо.

Это было так неожиданно, что у меня прошел даже всякий страх.

А крыса отошла в сторону и села на пол около самой печки.

— Я люблю тепло, — сказала крыса, — а у нас в подвале ужасно холодно".

**Даниил Хармс.
 Около января 1937**

В доме всегда было много разного зверья: бегал ночами и пыхтел принесенный дедом ежик (однажды он влез в дедов сапог и там, уютно свернувшись в портянке, уснул, он, видимо, решил так устроить себе домики, и дед, натягивая утром сапоги, долго ругался, ежик, впрочем, тоже остался недоволен дедом); как-то зимой жили у нас два вороненка, самые наглые из домовых обитателей, они быстро освоились в доме и на пару преследовали нашего кота своими клювами. Как-то лютой зимой мы взяли в дом целую стаю воробьев, и они с неделю весело гомонили у нас на кухне. В сараях же мы держали кабана и — много позже — дед развел кроликов. В холодные зимние дни их брали домой, и они жили на кухне под дедовым верстаком. Мягкие и пушистые, с задумчиво шевелящимися усиками, любопытствующими бусинками глазок, они привыкли ко мне и доверчиво брали с руки капустный лист или морковку.

Знаете, как убивают кролика, чтобы сохранить целой его шкурку? Это увидел подросток — молотком по голове! Я долго болел после увиденного и не выздоровел до сегодняшнего дня.

*"И даже
 В продаже
 Конского мяса
 Есть "око за око"
 И вера в пришедшего спас".*
**Велимир Хлебников.
 Смерть коня. 1918-1919**

"Чтобы пища пошла на пользу, она не должна быть приготовлена из мяса животного, пережившего перед смертью страдание" (Уильям Блейк). И если мы не можем иначе, не можем не поедать своих братьев, то хотя бы немного это...

*"О, Сад, Сад!
 Где в зверях погибают какие-то прекрасные
 возможности, как вписанное в часослов Сло-
 во о полку Игореве во время пожара Москвы".*

**Велимир Хлебников.
 Зверинец**

У древних народов существовал запрет на использование в пищу мяса одомашненных, прирученных человеком животных. И проливать их кровь был грех. Об этом знали еще древние эллины. И этот запрет, когда они его выработали, сделал их людьми, а нас, его нарушивших, превратил в то, что мы есть.